

МАРИ
БРЕННАН

Естественная история
ДРАКОНОВ

Мемуары леди Трент

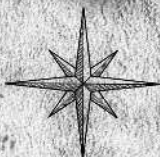

Иллюстратор
Тода Локвуд

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Антиона

Ширландия

Нидди

Мисс
(De Brest)

Никея

1. Купелий
2. Минсурзрад
3. Живьяк
4. Друштанев
5. Санверю
6. Шринк-Лирани
7. Фальчестер
8. Сенсмут

Друштанев и окрестности

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не проходит и дня без того, чтобы почта не доставила мне по крайней мере одно письмо от юного (а порой и не столь уж юного) энтузиаста, желающего последовать по моим стопам и стать натуралистом-драконоведом. Конечно, в наши дни это вполне уважаемое научное поприще с университетскими курсами и научными обществами, выпускающими толстые тома, озаглавленные «Труды Общества содействия развитию того-то или сего-то». Однако те, кого интересует уважаемая сторона дела, посещают мои лекции. Те же, кто пишет мне, неизменно хотят подробнее узнать о моих приключениях — о побеге из плена в Мулинских болотах, о моей роли в великой Кеонгийской битве, или же (чаще всего) о полете к негостеприимным высотам Мрительхаймских гор, единственному месту на земле, где могли быть раскрыты тайны драконьего рода.

Но даже самые упорные из моих корреспондентов не могут надеяться получить персональные ответы на все эти вопросы. Посему я приняла предложение господ Кэрригдона и Руджа опубликовать ряд мемуаров, отражающих самые интересные периоды моей жизни. В общем и целом они

МАРИ БРЕННАН

будут посвящены экспедициям, которые привели к открытиям, сделавшим меня столь знаменитой, однако не обойдется и без уклонений в иные материи — более занимательные, личные, или даже (да-да) скабрзные. Одна из выгод положения дамы пожилой и, сверх того, именуемой «национальным достоянием»: мне мало кто может указывать, о чем писать можно, а о чем — нет.

Предупреждаю: на страницах моих мемуаров вас ждут обледенелые горы, зловонные трясины, враждебные чужеземцы, враждебные соотечественники, а порой — и враждебные члены семьи, губительные решения, роковые ошибки в выборе пути, болезни самого неромантического свойства и великое множество грязи. Вы продолжаете читать на свой страх и риск. Все это — не для слабых духом, как и само изучение драконов. Однако подобные научные изыскания вознаграждаются сторицей: оказаться рядом с драконом — пусть на кратчайший миг, пусть даже рискуя жизнью — этого наслаждения, раз испытав, невозможно забыть никогда. Если мои скромные слова смогут передать хоть малую частицу этого чудесного ощущения, я буду вполне удовлетворена.

Начать, конечно же, следует с начала всех начал — со времен, предшествовавших череде открытий и изобретений, что сделала мир таким, каким знаешь его ты, мой дорогой читатель. Этой-то древней, почти забытой ныне эпохе и принадлежат мое детство и скромное начало моей весьма нескромной карьеры — первая зарубежная экспедиция в горы Выштраны. Да, основные сведения об этой экспедиции давно общеизвестны, но я могу поведать о ней много больше, чем ты знал до сих пор, читатель.

*Изабелла, леди Грент
Касселтуэйт, Линшир,
11 флориса, 5658 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

*в которой у мемуаристки формируется
детское увлечение драконами, и она
изыскивает возможность последовать
этому увлечению*

Искровичок (в натуральную величину)

ГЛАВА 1

*Изумрудик — Неприятный инцидент с голубем —
Увлечение крыльями — Моя семья — Влияние сэра
Ричарда Эджуорта*

Когда мне было семь, я нашла на скамейке у опушки леса, начинавшегося на задах нашего сада, дохлого искровичка, которого не успел убрать садовник. В великом восторге я помчалась показывать находку матери, но к тому моменту, как я добралась до нее, искровичок рассыпался в прах у меня в ладонях. Мама вскрикнула от отвращения и отправила меня мыть руки.

Секрет сохранения искровичков после их смерти раскрыла мне наша кухарка, высокая и тощая женщина, готовившая, однако ж, изумительные супы и суфле (доказывая тем самым ложность расхожего мнения, будто тощему повару не следует доверять). Один такой стоял у нее на туалетном столике, и она принесла его показать мне, когда я явилась на кухню в нешуточном унынии после утраты искровичка и материнской кары.

— Как же тебе удалось сохранить его? — спросила я, утирая слезы. — Мой весь рассыпался на кусочки.

— Укус, — ответила она.

Так одно-единственное слово указало мне путь, который и привел к моему нынешнему положению.

Найденный вскоре после гибели, искровичок (как, без сомнения, известно многим читателям этой книги) может быть сохранен путем бальзамирования в уксусе. Запихав в карман банку с уксусом, отчего юбка ужасно перекосилась, я устремилась в сад, на поиски. Первый же найденный искровичок в процессе бальзамирования лишился правого крыла, однако еще до конца недели я стала обладательницей совершенно целого экземпляра — искровичка полутора дюймов в длину, покрытого чешуей глубокого изумрудного оттенка. С безграничной детской находчивостью я назвала его Изумрудиком, и он, расправив крохотные крылья, сидит на одной из полок в моем кабинете по сей день.

В те дни я собирала не только искровичков. Я постоянно приносила в дом других насекомых (ведь в те времена искровичков классифицировали как вид насекомых, лишь внешне напоминающих драконов — что, как известно нам ныне, неверно) и множество разных разностей: необычные камни, оброненные птицами перья, фрагменты яичной скорлупы, всевозможные кости... Мамá неизменно закатывала истерики по этому поводу, пока я не заключила со своей горничной договор: она никому ни слова не говорит о моих сокровищах, а я каждую неделю позволяю ей лишний час посидеть и дать отдых натруженным ногам. С тех пор мои коллекции, разложенные по сигарным ящичкам и тому подобным вместилищам, надежно хранились в моих шкафах, куда мать сроду не заглядывала.

Несомненно, некоторые склонности я приобрела, будучи единственной девочкой из шестерых детей. В окружении мальчишек, в уединенной усадьбе среди лесов и полей Тамшира, я искренне полагала, что разные любопытные вещи собирают все дети, вне зависимости от пола. Боюсь, все попытки матери переубедить меня не возымели почти никакого эффекта. Некоторые интересы я переняла от отца: как всякий джентльмен тех дней, он полагал своим долгом более-менее держаться в курсе последних достижений во всех

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДРАКОНОВ

областях знания: юриспруденции, богословия, экономики, естественной истории и так далее.

В остальном, как я полагаю, всему виной врожденное любопытство. Я могла подолгу просиживать на кухне (это не поощрялось, однако было дозволено — большей частью потому, что в это время я не шастала снаружи, пачкаясь и приводя в полную негодность платья) и задавать вопросы кухарке, разделявавшей цыплячьи тушки для супа.

— Зачем цыпляют эта кость-вилочка? — однажды спросила я.

Одна из судомоек отвечала тем самым дурацким тоном взрослого, обращающегося к ребенку:

— Чтобы загадывать желания! — живо сказала она, подавая мне уже высушенную вилочку. — Берешься за один конец и...

— Я знаю, что делаем с вилочками мы, — с нетерпением сказала я, весьма бестактно перебивая ее, — но цыпляют они нужны не для того, иначе цыпленок, конечно же, пожелал бы не попасть к нам в суп.

— Господи, дитя мое, я и не знаю, для чего она у них растет, — сказала кухарка. — Но кость эта есть у всякой птицы — у цыпленка, у индейки, у гуся, у фазана и у всех прочих.

Мысль о том, что эта черта присуща всем птицам, меня заинтриговала: раньше я никогда не задумывалась о подобных вещах. Вскоре любопытство привело меня к поступку, который по сей день вгоняет меня в краску. Нет, не сам поступок (с тех пор я делала то же самое множество раз — разве что в более скрупулезной, научной манере), но тот факт, что совершен он был тайком, да еще оказался крайне наивным.

Однажды, блуждая по саду, я нашла под живой изгородью дохлого голубя. Мне тут же вспомнились слова кухарки о том, что вилочка есть у любой птицы. Правда, голубей в ее перечне не значилось, но голубь ведь птица, не так ли? Возможно, сейчас мне удастся понять, для чего птицам эта

кость, раз уж не удалось понять этого, наблюдая, как лакей разделяет жареного гуся за обедом?

Подобрав мертвого голубя, я спрятала его в стогу сена у амбара, прокралась в дом и без ведома Эндрю — брата, следующего за мной по старшинству, — стянула его перочинный нож. Вновь выбравшись наружу, я принялась за изучение голубя.

К делу я подошла если и не слишком разумно, то вполне организованно. Я видела, как судомойки по распоряжению кухарки ощипывают птицу, и поняла, что на первой стадии необходимо удалить перья. Задача оказалась намного труднее, грязнее и неприятнее, чем ожидалось, однако предоставила мне возможность рассмотреть, как очин пера входит в кожную сумку (этих слов я в то время не знала), а заодно увидеть разницу между перьями разных типов.

Когда птица была более или менее ощипана, я провела некоторое время, двигая ее крылья и лапы взад-вперед, наблюдая, как они действуют, и, честно говоря, собираясь с духом перед тем, что задумала сделать дальше. Наконец любопытство одержало верх над безразличием, я раскрыла перочинный нож брата, приставила его к птичьему брюху и сделала разрез.

Вонь оказалась невероятной (вспоминая об этом ныне, я не сомневаюсь, что проткнула кишечник), но увлеченность не прошла. Я осмотрела вывалившиеся наружу комки плоти, по большей части не понимая, что все это такое — ведь почки и печень я видела лишь на тарелке за едой. Однако мне удалось узнать кишечник и верно угадать сердце и легкие. Одолев безразличие, я продолжила работу, снимая кожу, раздвигая мускулы и глядя, как все они соединены. Одну за другой я обнажила кости, дивясь изяществу скелета крыла и ширине грудной кости.

Едва обнаружив вилочку, я услышала крик за спиной и, обернувшись, увидела помощника конюха, в ужасе уставившегося на меня.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДРАКОНОВ

Он бросился бежать, а я принялась лихорадочно замечать следы, забрасывая расчлененную тушку голубя сеном, но была так расстроена, что в результате лишь перепачкалась пуще прежнего. К появлению мамá я вся была в крови, в ошметках голубиного мяса, в перьях и сене, не говоря уж об изрядном количестве слез.

Не стану утомлять читателей подробным описанием последовавшего за этим наказания: самые предприимчивые из вас, несомненно, подвергались подобным экзекуциям после собственных эскапад. В конце концов я оказалась в отцовском кабинете, посреди азиатского ковра, начисто вымытая и сгоравшая от стыда.

— Изабелла, — грозно сказал он, — что побудило тебя совершить такое?

С языка тут же хлынул поток слов. Я рассказала о найденном голубе, вновь и вновь заверяя отца, что нашла птицу уже мертвой, а вовсе не убивала ее, и о собственном любопытстве относительно вилочки — и говорила, и говорила, пока папá не встал из-за стола и не подошел ко мне. Опустившись передо мной на корточки, он положил мне руку на плечо и остановил мой рассказ.

— Ты хотела узнать, как устроена птица? — спросил он.

Я кивнула, не решаясь вновь заговорить, чтобы поток слов не продолжился с того же места, на котором был прерван.

Отец вздохнул.

— Юной леди не пристало вести себя подобным образом. Ты понимаешь это?

Я кивнула.

— Тогда убедимся, что ты будешь помнить это.

Развернув меня спиной к себе, он отвесил мне три крепких шлепка по заднему месту, что вызвало новый поток слез. Вновь взяв себя в руки, я обнаружила, что отец оставил меня успокаиваться и отошел к стене кабинета. Там, вдоль полка, тянулись плотные ряды книг — некоторые тома, пожалуй, весили не меньше, чем я. (Это, конечно же, было

чистой игрой воображения: самая увесистая книга в моей библиотеке, моя собственная «*De draconum varietatibus*»*, весит всего-навсего десять фунтов.)

Том, снятый отцом с полки, оказался много легче — разве что несколько толще книг, которые обыкновенно дают читать семилетним. Вложив книгу в мои руки, отец сказал:

— Полагаю, твоя госпожа мать не обрадуется, увидев тебя с этой книгой, но я считаю, что тебе лучше получать ответы на вопросы из книг, чем экспериментальным путем. Беги, да не показывай эту книгу матери.

Я сделала реверанс и помчалась к себе.

Подобно Изумруднику, подаренная отцом книга и сейчас стоит у меня на полке. Она оказалась «Анатомией пернатых» Готерхэма, и, хотя наши познания в этой области со времен Готерхэма значительно умножились, в то время послужила мне хорошим введением в тему. Из текста я поняла не более половины, но с жадностью проглотила то, что сумела понять, а над остальным крепко задумалась. Больше всего мне понравились схемы — тонкие детальные изображения скелетов и мускулатуры пернатых. Из этой книги я узнала, что функция вилочки (или, вернее, вилочковой кости) заключается в укреплении грудной части птичьего скелета, а кроме того на ней расположены точки крепления мускулов крыльев.

Все выглядело так просто, так очевидно: вилочка есть у всех птиц, потому что все птицы летают (в то время ни я, ни Готерхэм еще не знали о существовании страусов). Вряд ли это было выдающимся открытием в области натуральной истории, но для меня действительно оказалось гениальным озарением, открывшим передо мной мир, о котором я никогда прежде не задумывалась — мир, где, наблюдая общие принципы и то, чем они обусловлены, можно прийти к новому знанию, неочевидному для невооруженного глаза.

* «Разновидности драконов» (лат.).